

ЧУТКИЕ СТРУНЫ АКТЕРСКОЙ ДУШИ

Наш корреспондент встретился с актером Ленинградского драматического театра имени В. Ф. Комиссаржевской заслуженным артистом РСФСР С. Ландграфом, занятым во многих спектаклях гастрольного репертуара.

— Гастроли — это всегда школа для театра, — сказал Станислав Николаевич. — Иная публика, иная критика, непредвзятое восприятие. Театр имеет возможность взглянуть на себя как бы со стороны, свежим взглядом, что-то переоценить.

— «Царя Бориса» я видел не единожды. Каждый раз в вашем исполнении появляются иные, новые штрихи. Вы осознанно стремитесь к импровизации или она произвольна?

— Осознанно. Играть два спектакля одинаково, по-моему, скучно. Конечно, надо отличать импровизацию от отсебятины — желания все

поставить с ног на голову. Естественно, с другим партнером самочувствие иное; с Федором — Владимиром Особиком мой Борис напряженнее, жестче, с Федором — Владимиром Летенковым — раскрепощеннее.

— В программе спектакля «Смерть Иоанна Грозного» есть строчка: «Текст «скоморошины» С. Ландграфа». Это не единственный ваш литературный опыт?

— Я писал слова песен к спектаклям нашего театра «Тогда в Севилье», «Золушка», «Обвинительное заключение» и другим. Вместе с ныне известным поэтом - песенником Ильей Резником, в прошлом артистом нашего театра, писал тексты пародий для, пожалуй, лучшего нашего эстрадного пародиста Виктора Чистякова, ушедшего из жизни совсем молодым.

— Жаль, что мы не откры-

вали вас еще в одном качестве — режиссера, ведь театр не привез к нам на гастроли спектакль «Несколько дней без войны», где вы дебютировали как постановщик и одновременно сыграли главную роль.

— А вы знаете, легче было играть царя Бориса, чем Лопатина! Главным была для меня в Лопатине одержимость делом, которому он служит. Если человек сам через что-то прошел, то не будет об этом кричать. В данном случае — о войне. Таков Лопатин, очень сдержанный человек. Мне хотелось, чтобы «Несколько дней без войны» стал добрым спектаклем.

— Расскажите, пожалуйста, о своей работе в кино.

— Я снялся в нескольких фильмах — «Комитет 19-ти», «Убит при исполнении», «Право первой подписи», «Смятение», «Личная жизнь» — но романа с кинематографом у ме-

ня пока не получилось, были отдельные новеллы. То, что предлагали сыграть, мне не хотелось, а то, что хотелось, не предлагали. Актерская профессия субъективна. А в кино ведь как? Чем чаще отказываешь, тем реже предлагают. Так что я не очень страдаю от того, что снимаюсь мало. Да и в театре, к счастью, занят много, так что и «страдать по кино» просто некогда. Хотя не скрою, если бы у меня появилась возможность попробовать сняться в «Ричарде III», я бы, наверно, пошел на все.

— Пушкин писал, что смех, жалость и ужас — суть три струны нашего воображения, потрясение драматическим волшебством. На какую из этих струн вы «нажимаете» с большим удовольствием?

— Я бы и в гневе, и в жалости искал смех. Кто-то называл его витамином жизни, по-моему, это очень точно. Юмор

— одно из самых привлекательных человеческих качеств. Порой самое смешное — это самое несмешное. Разве может быть смешным человеческое несчастье? А вот в «Женитьбе» Гоголя может. Чем смешон, например, Подколесин? Он не может больше так жить, ему нужно жениться. И с той же активностью, с какой он этого добивается, он от женитьбы отказывается, когда уже цель близка. И потому он смешон и одновременно жалок... Очевидно, нельзя играть на одной струне, не задевая других.

— Что вы цените в актере?

— В актере я ценю магическое — индивидуальность. Мне грустно, если я вижу, что в сцене, где нет слов, артисты отдыхают, не живут жизнью героев. Если ты безучастен хоть на мгновение, то это уже ремесленничество. Очень ценю партнерскую верность, умение импровизировать, подхватывать сразу все без подготовки. Очень ценю актеров, чьи творческие, гражданские и человеческие позиции высоки, благородны и принципиальны.

Интервью провел
В. НОВИКОВ.

21 ИЮЛ 1981

КОММУНА
г. Воронеж